

1

Бледная немочь... Так говорила прабабушка, если видела худосочную девицу с кожей тоньше папиросной бумаги и белой до синюшного оттенка. Что ж, похоже. Юля затянулась сигаретой и снова всмотрелась в свое отражение в зеркале — да, и бледновата, и вид измученный. Из-за Ваньки все! Обычно ее тонкая кожа имеет матовый оттенок и естественный персиковый румянец. Все, ну все из-за Ваньки, из-за него она и курить никак не бросит, а ведь бросает каждый божий день.

Тем не менее в сознании отпечаталась подлая мысль: зря игнорировала черный цвет, он ей идет, еще как идет! Изящная фигура, обтянутая черной тканью, в сочетании с пепельными волосами и темными (сумеречными) серыми глазами, излучающими ностальгию, смотрится загадочно. Если б хоть чуточку косметики, Юлю можно было назвать... ну, если не красоткой, то «чертовски мила» она заслуживает. Хоть бы капельку помады на губы... Да нельзя — траур. А как бы к этой изысканной черноте при росте сто семьдесят пять сантиметров подошла черная шляпа с большими волнообразными полями... Эх, не по сезону, на дворе вон мороз, в шляпе уши отморозишь.

Зажав сигарету зубами, Юля накрутила черный шарф на голову, спрятав все до единой волосинки, завязала у виска, расправила свисающие на грудь концы — получилась... гламурная бедуинка с болезненно бледным личиком. Шарфы с платками на голове ей никогда не шли. Серьги нужно снять. Сняла. Теперь чего-то не хватало... Очков! Чтобы спрятать сухие глаза, которые, по идее, должны быть зарезанными, красными и опухшими. Очки вдвойне подпортили дресскод, какое-то слепое чучело в чалме получилось...

— Черт-те что.

Но тут же Юля махнула рукой, в конце концов, ей не на раут идти, а к... Ой, страшно! Даже подумать страшно, не то что выговорить! Ой, как сердце трепещет при одной мысли, что визит предстоит к следователю.

Сле-до-ва-тель!

Звучит угрожающе, словно сирена, предупреждающая о бомбежке. Но время подходило, Юля спустилась вниз, выключила огни на елке, ждала, прохаживаясь у окна и выкуривая очередную сигарету, попутно ворча:

— Отбила бы руку, протянувшую мне первый раз сигарету. Почему никто по губам не бил, когда я брала в рот эту гадость? Почему никто не рассказал о вреде табака?.. Теперь как радость — так сигарета, как нервы — так одна за другой...

Разумеется, она нервничала. Коленки уже тряслись, заранее почуяв гадость со стороны следователя, вот-вот руки скрутят от конвульсий. Рюмочку бы пропустить для равновесия нервной системы, малюсенькую рюмочку.. две... три... И тоже нельзя! Алкоголь действует, как удар тока, после чего все в Юле начинает жить отдельно: отдельно мозг, отдельно язык, ру-

ки-ноги отдельно. Надо ли говорить, что в таком состоянии она представляет собой угрозу для общества?

Но вот около дома затормозила машина, Юля, теперь не торопясь, потому что жутко не хотелось ехать к следователю, переобулась в прихожей, накинула шубку. Постояла, собираясь с мыслями, а они (проклятые) расплзались в разные стороны, как воры с места преступления. Просигналила машина. Да, пора...

— Привет, Саня, — сказала, усаживаясь в авто.

И усмехнулась: им всем уже под сорок, а некоторым и за, но все еще Сани, Юли, Вани. Есть худший вариант — Саньки, Юльки, Ваньки. Пора бы отчества присовокупить, однако приставка к имени сразу будет давать неправильный ориентир на возраст, впрочем, Юле всего-то тридцать шесть. Конечно, последние несколько лет нанесли существенный удар по внешности, виновата внутренняя дисгармония, но если быть точной, виноват Ванька. Все равно она моложе друзей-подруг и собственного мужа, что приятно.

— Как ты? — спросил Саня.

— Сносно, — ответила Юля подчеркнуто трагическим голосом.

Щелоков — адвокат, которому доверял Ванька, теперь обязана доверять она, потому что... Черт его знает — почему! Просто Саня перешел ей по наследству как хранитель интересов семьи, он изъявил желание сопровождать Юлю на допрос, чтобы она не сболтнула лишнего. Интересно, как Санечка удержит ее язык, если этому непредсказуемому органу без костей и мозгов захочется ляпнуть глупость вопреки желанию хозяйки?

— У тебя алиби есть, Юла? — спросил он.

Между собой друзья ее называли Юлой. Когда-то она и была вертлявой, непосредственной, искрящейся

жизнерадостностью, как фонтан на солнце с чистой-чистой водой. Была! В этом слове заключен глубокий смысл пустоты: была и — не стало, значит, исчезла. Выходит, Юльки нет? Так ведь и нет, она давно уже не она, а ходячая приставка к мужу, дому, детям. Кстати, приставка — это нечто из разряда излишеств, без чего спокойно можно обойтись.

— Юла, слышишь? — вернул ее из раздумий Сая. — Алиби у тебя есть?

— Чего? — настороженно покосилась на него она, наконец услышав сакраментальное слово «алиби», от которого по телу дрожь прошвырнулась и застряла где-то под горлом.

— Алиби, Юла, — доказательство непричастности к преступлению на момент его совершения...

— Я знаю, что такое алиби, — перебила раздраженно Юля. — При чем здесь *мое* алиби?

— Снизь градус кипения, снизь. Мы должны быть ко всему готовы, а вы с Иваном не совсем ладно жили, тебя могут заподозрить...

— Заподозрить?! — Нет, она повысила градус. Еще бы! — Меня?! Я что, сама бомбу подложила под собственную дачу? Чтобы та разлетелась в пух и прах со всем добром, нажитым непосильным трудом моего бедного Ваньки?

— Юла! — попробовал остановить ее Щелоков.

— Нет, скажи: я похожа на больную, чтобы остаться без дачи и отдыха на лоне природы? Да если бы мне захотелось грохнуть Ваньку, я бы обошлась меньшими жертвами. Материальными, разумеется.

— Юлька! — слегка прикрикнул Щелоков. — Будут всех подозревать, у кого имеется хотя бы мизерный мотив расправиться с Иваном. Кстати, на убитую горем вдову ты не тянешь, имей это в виду. И умоляю, не язви. Особенно на допросе. Как почувствуешь, что

попала в тупик или тебе не понравился вопрос следака, поднеси платок к глазам или к носу, всхлипни, я перехвачу эстафету. Юла, ты меня слышишь?

— Слышу! — огрызнулась она, будто Саня предъявил ей обвинение в убийстве собственного мужа, и, уткнув нос в песцовый воротник, пробурчала: — Подложил же мне свинью Ванечка прямо перед Новым годом. Испортил любимый праздник.

— Он-то при чем? — Смех в трагической ситуации неуместен, но Щелоков рассмеялся.

Юля не удостоила его ни ответом, ни взглядом, она, глубоко вздохнув, уставилась в окно с нарочито задумчивым видом, чтобы Саня не приставал с провокационными вопросами. А думала о нем, о Щелокове. Почему о нем? Что, ей не о чем подумать? А потому что Саня — неотъемлемая часть их с Иваном жизни, и так уж случилось, что Юля на днях начала ревизию собственной жизни.

Щелоков напоминал ей дорогой чемодан, куда хочется заглянуть из элементарного любопытства и поглядеть, что за барахло он там хранит. Конечно, имеется в виду душа, а Саня туда не пускал никого, так что душа его в прямом смысле — потемки. Если же не лезть в душу, то внешне он — уверенный, оптимистично настроен, обходительный. Вышли-то мы все из народа, правда, не все любят в этом признаваться, но далеко не всякому народнику, даже достигнув высокого положения на социальной лестнице, удалось приобрести шикарный лоск. А Санька лоснится от лоска, и этот лоск так и лезет в глаза, смущая окружающих, отчего он всегда на высоте, всегда НАД всеми. Кто знает, может, это тоже своего рода признак выходца из низов, для которого обязательна превосходная степень? Есть у него и слабое место — бабы, которые кидаются на лоск и артистизм, хотя внеш-

ность у Сани заурядненькая и трудно поддается описанию. Кроме носа. Нос — это ва-аще! Выдающаяся часть. В прямом смысле выдающаяся, ибо далеко вперед выдается, чуть меньше носа Буратино. Как жить с таким шнобелем? А он живет. И хорошо живет, между прочим. И женскому полу клюв марабу не мешает кидаться Сане на шею. Кстати, ротик у него тоже длинный, почти до ушей, эдакая прямая линия без губ над коротким подбородком...

Когда Юля мысленно препарировала Саню на составные части, невольно передергивала плечами, едва не произнося «бее!». В воображении он рисовался страшилищем, а скосила глаза — ничего, симпатяга. Очевидно, недостатки нивелируются длинными волнистыми волосами цвета прибитой пылью смолы, томными мечтательными глазами испанского быка под кайфом и сладчайшей улыбкой кондитера.

Нет, скорее, он берет манерами. У Сани отпадные манеры — ручку облобызает, пальто подаст, подарок купит, комплимент кинет. Он прекрасно знает психологию и умеет манипулировать сознанием, короче, опасный тип, за что и любят его бабы-дуры. А он любит баб-дур, красивых и, как правило, выше ростом на голову, а на каблуках — на две. Поэтому женится и разводится, женится и разводится. Юля со счета сбилась, считая жен, старых уж и не помнит по именам, на данный момент Саня в разводе и, кажется, чертовски доволен.

Честно сказать, такого несовершенного совершенства Юля побаивалась, происходило это на подсознательном уровне, и, не желая тратить серые клетки, она не мучилась вопросом — из-за чего побаивалась Саню. А сейчас задумалась, потому что неожиданно-негаданно перестала благоговеть перед ним. Без причин. Как без причин старалась улизнуть, когда он прихо-

дил к Ваньке, энергичный, подтянутый, умный аж жуть, но при этом Саня, а не Александр Ромуальдович. Нет, пусть лучше будет Саней, а то язык хоть и без костей, а сломается, пока отчество выговоришь.

— Скажи, — внезапно повернулась к нему Юля, — что мой благоверный делал на даче в это время года, к тому же перед праздником?

— Начнем с того, что у вас не дача, а загородный дом...

— Наш дом не приспособлен к зиме, — заспорила Юля.

— Там есть камин... то есть был. Камин неплохо отапливал комнаты, Ваня часто привозил туда деловых партнеров и зимой.

Тон у Санечки не тот, нет. Какой-то докторский. Да-да, он будто кодирует ее или гипнотизирует, чтобы Юля повторяла за ним, как попугай.

— Надо же, — усмехнулась она. — А я не знала, что лоном природы можно насладиться на нашей даче и зимой. Ванька убедил меня, будто там в это время года Антарктида. Ну и что же он с партнерами делал зимой на даче?

— Может, Рождество решил отметить, половина мира отмечает двадцать пятого...

— А мой Ванька католик, да?

— Я не вникал в его вероисповедание. Бывало, он в неформальной обстановке обговаривал сделки... э... всякую там текучку.

— А неформальная обстановка это как? — настойчиво допытывалась Юля, будто отродясь таких слов не слышала. И не боялась уронить свое реноме в глазах Сани глупыми вопросами, она же домохозяйка по социальному статусу, какой с нее спрос?

— Юла, не прикидывайся, ты прекрасно знаешь, что такое неформальная обстановка.

— Почему не в кабаке, — завелась Юлия, — не у нас дома эта самая неформальная обстановка, а у черта на куличках, где надо топить камин, завести припасы, приготовить пожарть? А кто, интересно, у плиты стоял? Не Ванька же!

— Ну, Юла... — неестественно рассмеялся Саня, значит, знает, гад, про всех скелетов в шкафу любимого мужа Ваньки. — Кабак и дом не всегда подходящее место для тайных переговоров. Надеюсь, теперь ты меня поняла?

Тональность Санькиных смешков была нежно-отеческой, еще так смеется старенький дедушка-богач, когда его молоденькая и глупая жена ляпнет невпопад, а ему (старому маразматику) глупость нравится. Все вместе говорит о том, что Саня воспринимает Юлю безнадежной дурочкой. Любопытно, почему? Кстати, о дурах! Это же подсказка! Да-да, дура — это отличный щит, за которым в трудную минуту не грех спрятаться. Юлия почти с любовью посмотрела на Саню, он заметил ее взгляд, неизвестно, что прочел и подумал, но как-то вдруг смягчился.

— Саня, а что тебе известно о взрыве и всем прочем? — спросила она, ведь надо хоть немного быть в курсе событий перед допросом. Со дня взрыва прошло несколько дней, но им не удавалось переговорить, господин адвокат зачищал хвосты в последние дни уходящего года, ему было не до друзей и их бед.

— Представь себе, ничего, — удивил Саня.

— Хм. Мне казалось, ты все-все знаешь.

— Юла, мы едем на разведку, так что лишнего не болтай. Посмотрим, что следак скажет, о чем будет спрашивать.

— Ну ладно. М-да... Сколько нового выясняешь о собственном муже после его кончины. Интересно, что еще мне предстоит узнать?

Ромуальдович покосился на нее с опаской, бес-
покойно. Юля сидела, нахохлившись и сунув нос в
воротник шубки, на него даже не взглянула и остав-
шуюся дорогу не проронила ни слова.

* * *

Следователь представился Константином Ильичом
Басиным. Самому лет тридцать пять максимум, а уже
Ильич и следователь! Наверное, просыпается утром и
мысленно повторяет: я лучший следователь, я умен и
красив, я супермен, я... и так далее. Нет, Юлю следак
Костя не впечатлил, хотя он явно заботится о физи-
ческой форме, соблазняет женщин без счета, потому
что смазливый брюнет с густым ежиком на голове, а
к брюнетам дамы тяготеют точно так же, как мужики
к блондинкам. Однако, судя по одежде в идеальном
порядке и классическому стилю, он глухой консерва-
тор, да у него на лбу написано: стабильно-надежный,
как швейцарский банк. На формальные вопросы Юля
отвечала по принципу «да» и «нет», наконец подошли
к главному:

— Двадцать пятого декабря ваш муж из офиса при-
мерно около шестнадцати часов поехал на дачу.. С ка-
кой целью?

Юля захлопала глазами, будто вопрос для нее не
совсем понятен, и приподняла узенькие плечики, об-
тянутые дорогой черной водолазкой:

— Наверное, отдохнуть.

— Он не поставил вас в известность, что едет на
дачу и задержится там допоздна?

Конечно не поставил! Мужчины поразительно
одинаково объясняют женам свое длительное отсут-
ствие, о чем честно поведала Юля:

— Он позвонил и сказал, что задерживается по неотложным делам.

— Значит, дела он продолжил на даче?

— Значит, продолжил.

— И как часто ваш муж проводил деловые встречи на даче?

Какой-то тупой попался, заладил: дача, дача, будто больше не о чем поговорить.

— Я в его дела не вмешивалась...

— А я вас не о делах спросил, — строго перебил он. — Хорошо, поставим вопрос иначе: как часто ваш муж задерживался допоздна?

— Ну... задерживался... иногда...

— Сколько раз в неделю, в месяц?

— Я не считала.

— Надо ли понимать ваш ответ, что подобные задержки случались настолько часто, что вы перестали их считать?

Ну и загнул! Смысл не сразу дошел до убитой горем вдовы. Юлия поднесла платок к носу, а то Саня расселся и ворон ловит, тогда как следователь Костя ловушку за ловушкой расставляет. Санька адвокат? Пусть отрабатывает бабки.

— Прошу прощения, — подхватился Саня, — вы некорректно ставите вопросы, подводя мою клиентку к ответу, который нужен вам.

— Мы не в суде, там контролируйте ход процесса и вступайте в полемику, — охладил адвокатский пыл Константин Ильич. Охладил с максимальной категоричностью, дескать, я тут главный, а ты заткнись.

— Вы не должны разговаривать в таком тоне... — в корректной форме сделал ему замечание Саня, на что получил некорректный отпор:

— И права будете качать в суде. — После того, как Саня, пыхтя, отвернул от него свое лицо цвета кума-

чового стяга, Константин Ильич обратился к Юле, почти нежно прокурлыкав с каким-то мутным подтекстом: — Итак, ваш муж часто задерживался на деловых встречах, да?

— А какое это имеет значение? — сообразила прикинуться душой Юля. — Мой муж много работал, об этом говорит наш уровень жизни. Чтобы достичь его, Ванечке приходилось не щадить себя.

— Конфликты у вас бывали?

— Покажите хоть одну семью, где нет конфликтов, — сухо, вместе с тем печально, как и подобает новоявленной вдове, ответила Юля. — А если есть такие семьи, то у них не все в порядке, значит, супруги равнодушны друг к другу, им даже поссориться лень. Чего не скажешь о нашей семье.

— Из-за чего же случались конфликты? — упорно гнул свою линию Костя, превратно понимая слова несчастной вдовы.

Из-за чего — скажет тоже! Да все из-за того же: где был до четырех утра, козел? И почему нализался как свинья? Чем от тебя воняет — «Шанелью» или неужели твои девки льют на себя «Красную Москву»? Духи «Красная Москва» обожала свекровь, выписывающая по Интернету пузырьки за баснословные деньги, следовательно, у Юлии на данный аромат была стабильная и острая аллергическая реакция. Она не выносила все, что нравилось маме мужа, свекровь тоже «любила ее без памяти», короче, обе представляли собой типовой шаблон «свекровь—невестка». Если честно, то поводов к конфликтам настолько много, что путаться начинаешь в узловых, так как второстепенные и совсем ничтожные вообще не стоит считать. Инициатором конфликтов являлась Юля, тем не менее она всего-то задавала вопросы, как сейчас следователь задает ей. А Ванька именно что ссорился, полу-